

Поле, где, по преданию, ангелы возвестили пастухам рождение Христа, „да то зовется место агиапимена, еже ся протолкуеть святая паства“.¹ Агиапимена, или в Веновитиновском списке — агиапимина, близко к греческому оригиналу: ἀγία πώμνη — „святое стадо“, но в других списках: Агна пимина, Ага апипина и т. п.

Единственное название, объясняемое Даниилом без отношения к христианской легенде, это — Месопотамия, „еже есть средоречие“² (μέσος — „средний“, ποταμός — „река“), но вообще названия, не связанные с легендами, он оставляет без объяснения: Неаполиа (Νέα πόλις — „новый город“), Севастиполь (Σεβαστή πόλις — „священный город“), Орини (Ὀρεινή, разумеется χώρα — „горная страна“).

Приводимое без объяснения Даниилом название окрестностей Вифлеема — Ефрант — представляет осмысление, посредством близко звучащего греческого прилагательного εὐφραντός — „приятный“, древнееврейского названия Вифлеема — Ефрафа, встречающегося в библейских книгах. В глазах Даниила название „Ефрант“ объяснялось характером страны: „И есть земля та около Вифлеома красна зело, на горах, и дресеа многа овощная стоять по пригорию тому красно: масличие и рожци, смоквы же и виноградие много ту суть около Вифлеома, и нивы по удолием мнози и обилни суть“.³

Целиком только одна греческая фраза занесена Даниилом в свой текст: „Кирие елейсон“ — „господи помилуй“, которую он влагает в уста толпы в рассказе о „святом свете“.

В итоге рассмотрения греческих элементов в „Хождении“ Даниила можно сделать три вывода.

Во-первых, для авторской характеристики Даниила надо отметить, что он никогда не пользуется греческими словами без надобности. Это или связанные с религиозными легендами собственные названия, или слова, относящиеся к быту и природе. Всего в „Хождении“ можно насчитать 32 греческих слова.

Во-вторых, знакомство Даниила с греческим языком объясняет отмеченный в названной статье П. А. Заболотского „факт почти дословного и неоднократного совпадения свидетельств Даниила с изложением их в апокрифическом Первоевангелии Иакова“. Этот факт, по мнению П. А. Заболотского, „представляется нам необъяснимым иначе, как при существовании в XII веке неизвестного пока славянского перевода Первоевангелия“.⁴ Но Даниил, живя в лавре св. Саввы, мог непосредственно пользоваться и, конечно, пользовался греческими книгами, не нуждаясь в их славянских переводах.

Третий вывод имеет текстологическое значение. Сочинение Даниила переписывалось и даже переделывалось книжниками в течение нескольких столетий, и восстановить его первоначальный вид невозможно. Однако наличие неискаженных греческих слов в тексте может служить показателем, что они идут из авторской редакции, потому что только для Даниила, а не для его позднейших списывателей было естественно употребление греческих слов.

Историки литературы останавливаются на сделанном Даниилом сравнении Иордана с рекой Сновь, имя которой он приводит три раза, и отсюда делают заключение о черниговском происхождении Даниила: „Всеи есть подобен Иердан, — говорит Даниил, — реце Сновьстей,

¹ Норов, стр. 82.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Русский филологический вестник, 1899, № 2—3, стр. 273.